

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Ю.М. АНТОНЯН

Преступления совершались и совершаются всегда – и в первобытной древности, и в современных дикарских обществах, со всей убедительностью свидетельствуя о том, что преступность вечна. Но всегда же пытались понять ее причины, однако чаще всего видели их в негативных социальных явлениях и конфликтах. Между тем важно знать, какие особенности человеческой природы делают преступность столь же неизбежной, что и рождение, болезни или смерть. Это личностные факторы, связанные как с биологией, так и с социальными условиями жизни людей, и определяющие ту самую природу, которая влечет человека не только к созданию семьи, получению знаний и профессиональных умений, обретению уважения и дружбы и т.д., но и к преступному поведению.

Иными словами, необходимо сосредоточить усилия на познании общечеловеческих причин преступности, вытекающих из социальной природы человека, созданной обществом во взаимодействии с его биологией. Только тогда можно будет объяснить, почему люди всегда совершали и будут совершать преступления, невзирая на то, какими социально-экономическими или иными особенностями отличается то общество, в котором они живут и действуют.

Нужно соединить человека и общество в их криминогенном единстве. Носителем этого единства в конечном итоге выступает личность, являющаяся объектом неблагоприятных воздействий. Люди совершают преступления потому, что общество и их человеческая, точнее – личностная природа всегда (!) формируют у них такие особенности, которые затем проявляют себя в качестве причин преступлений. Эти особенности возникают и функционируют спонтанно и имманентно, но последнее обстоятельство вовсе не говорит о фатальности преступного поведения применительно к конкретному лицу. Возможность криминального срыва зависит от конкретного воспитания, негативных, психотравмирующих обстоятельств прожитой жизни и т.д. Фа-

тальна преступность, а не преступное поведение, но сумма таких поведений составляет преступность.

Преступления совершались всегда, даже в первобытном обществе и на этапах его перехода в иные формации, причем эти этапы могли быть весьма длительными. Исследования этнологов, особенно Д.Д. Фрезера, И.Б. Малиновского, не оставляют в этом сомнений: даже в обществе дикарей существовал некий свод неписанных правил, нарушения которых вовлекли за собой карательные санкции, начиная от наказаний имущественного характера (например, таких, которые мы сейчас называем штрафом) до изгнания из племени и лишения жизни. То, что тогда не было написанных уголовных законов, не свидетельствует об отсутствии преступности, просто общество еще не достигло необходимого для этого уровня, люди попросту еще не умели писать. Однако уже в то время действовали известные всему сообществу запреты, которые и выполняли функции таких законов и которые нарушались.

Эти правила были обычаями, освященными традициями, авторитетом предков, магическими либо примитивными религиозными предположениями, одним словом, сугубо жизненной практикой тех лет. Без подобных обычаев общество не могло жить и развиваться, они обеспечивали его целостность, ограждали от наиболее опасных посягательств на жизнь, здоровье и достоинство людей, имущественные интересы общины в целом или ее отдельных членов, на все те ценности, которые носили сакральный характер и составляли духовную основу всего их существования. Последние имели исключительное значение, поскольку первобытный человек немислим без своих идолов, духов предков и духов природы, духов животных и неодушевленных предметов, своих тотемов и табу. Посягательства на такие ценности таили величайшую психологическую угрозу, в том числе для самой жизни дикарей, которые, если лишит их собственного анимистического мира и его символов, могли просто погибнуть. Поэтому покушения на указанные ценности карались весьма сурово.

Все то же самое можно сказать и о современных дикарях. Они практически все безграмотны и воспринимают уго-

ловные и прочие законы государства, на территории которого проживают (если они, конечно, вообще знакомы с ними), в качестве правил, противоречащих их обычаям, но которым вынуждены подчиняться. Вместе с тем система собственных запретов у них сохраняется, а механизм их функционирования примерно тот же, что и во времена первобытной дикости. Столь же велика среди них значимость духов и различных компонентов магии, они ревностно оберегают свой внутренний мир и те обычаи, которые регулируют их жизнь. Нарушение последних влечет за собой санкции, которые накладывают не только вожди племен, но и шаманы и колдуны.

Итак, можно сделать вывод о том, что преступность существовала и на заре человечества. Поэтому необходимо выявить те явления и процессы, которые во все времена и во всех странах порождали и порождают ее. Полагаю, что существует три таких фактора: отчуждение некоторых людей от позитивных социальных ценностей и социальных групп; ощущение и переживание ими угрозы со стороны окружающего мира, в первую очередь социального; ощущение и переживание своей брэнности и прежде всего страха перед смертью. Эти факторы связаны между собой и могут действовать одновременно, но часто какой-нибудь из них превалирует.

Многие криминологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что преступников отличает психологическая дистанция от других людей, многие из них одиноки и замкнуты, у них мало друзей и близких знакомых, они не имеют семьи и не стремятся завести ее, долго нигде не работают и переезжают из одного населенного пункта в другой, некоторые даже ведут бездомное существование, занимаются бродяжничеством. Для них характерно стремление к уединению, еще в детстве они предпочитали игры в одиночку. Такие особенности чаще наблюдаются среди насильственных, насильственно-корыстных преступников и воров.

Отчуждение от общества и его ценностей формируют особый психологический настрой, особую позицию по отношению к окружающему миру и самому себе, нередко

ощущение своей ненужности, выброшенности, неприспособленности к жизни. Такие преступники в отличие от не-преступников хуже усвоили требования правовых и нравственных норм, которые не оказывают на них существенного влияния. Эти люди очень часто не понимают, что от них требует общество. Можно предположить, что это связано с необычностью их установок и восприятия, из-за чего любые жизненные ситуации существенно искажаются. В итоге человек не может понять, чего от него ждут и почему он не должен совершать то или иное действие. Причем, что весьма важно отметить, поскольку нормативный контроль поведения нарушен, оценка ситуаций осуществляется не с позиций социальных требований, а исходя из личных переживаний, обид, проблем, влечений и инстинктов.

Нарушение социальной адаптации часто связано с отсутствием , мотивированности к соблюдению социальных требований. В этом случае человек понимает, что от него требует окружение, но не желает эти требования выполнять. У таких людей плохая социальная приспособляемость, поэтому у них возникают немалые сложности при попытках адаптироваться в малых группах. Отчужденность преступников проявляется, например, в том, что среди них больше, чем среди законопослушных граждан, тех, у кого невысокий уровень образования и производственной квалификации, отсутствует семья и слабы связи с родственниками, кто часто меняет место работы и жительства.

Об этом убедительно свидетельствуют истории жизни отдельных преступников и преступниц, и особенно из числа рецидивистов. Многие из них никогда не были женаты (замужем), а если и были, то утратили связи с семьей и не стремятся к их восстановлению. Иногда даже женщины, казалось бы, предназначенные самой природой для сохранения домашнего очага, в результате длительного антиобщественного существования теряют контакты с родственниками, не знают, что с их детьми. Нет сомнения в том, что у таких лиц вырабатываются особый взгляд на жизнь, свое, специфическое ее ощущение и реагируют они на возникающие жизненные ситуации в соответствии с этим. Поэтому не должны удивлять их на первый взгляд странные, иног-

да нелепые, резко выходящие за рамки обычного поступки, к тому же вроде бы ничем не мотивированные. Но они лишь внешне кажутся таковыми, а на самом деле в результате глубокого анализа всегда можно обнаружить, что их преступное поведение внутренне закономерно, субъективно, целесообразно и во всех случаях мотивированно.

Именно указанные признаки в совокупности с антиобщественными взглядами и ориентациями отличают преступников от непреступников, а их сочетание (необязательно, конечно, всех) у конкретного лица выступает в качестве непосредственной причины совершения преступления.

Негативные психологические особенности личности функционируют в рамках индивидуального бытия, на базе собственного жизненного опыта, а также биологически обусловленных особенностей. Однако многие особенности, так же, как и психологические черты, носят как бы нейтральный характер и в зависимости от условий жизни и воспитания наполняются тем или иным содержанием, т.е. приобретают социально полезное или антиобщественное значение.

Сочетание указанных выше психологических особенностей, потенциально предрасполагающих к совершению преступлений, обнаружено исследователями и в других странах. Например, обследование подростков, проведенное в США, показало, что те, у которых были установлены эти сочетания, чаще совершали преступления.

Исследование 500 преступников, проведенное совместно с В.П. Голубевым и Ю.Н. Кудряковым с помощью *методики многостороннего исследования личности* (ММИЛ), представляющей собой адаптированный вариант *Миннесотского многофакторного личностного опросника*, показало, что для них характерны пики по таким шкалам, как изоляция (отчужденность), импульсивность и ригидность (шкалы 4, 6, 8). Удельный вес преступников, характеризующихся зваными пиками, намного выше, чем среди законопослушных граждан.

Профиль ММИЛ преступников указывает прежде всего на плохую социальную приспособленность и общую неудовлетворенность своим положением в обществе. У них выражена такая черта, как импульсивность, которая про-

является в сниженном контроле своего поведения, необдуманных поступках, пренебрежении последствиями своих действий, эмоциональной незрелости.

Выраженная психологическая изоляция преступников, установленная нами, может свидетельствовать о нарушении эмоционального контакта с окружением, невозможности встать на точку зрения другого, посмотреть на себя со стороны. Это также снижает возможность адекватной ориентировки, способствует возникновению аффективно насыщенных идей, связанных с представлением о враждебности со стороны окружающих людей и общества в целом. В этом случае может создаться такое представление субъекта об обществе, с которым реальное общество не тождественно. С другой стороны, одновременно идет формирование таких черт, как уход в себя, замкнутость, отгороженность и т.д. По мнению большинства исследователей, работавших с тестом, подобные личностные тенденции вызваны повышенной сензитивностью и чрезмерной стойкостью аффекта. Правильная оценка ситуации затрудняется, так как поведение управляется аффективными установками. Отчужденному, замкнутому человеку их трудно разрешить, поскольку он не общается или мало общается с другими, а поэтому не может и не умеет обращаться к ним за советом или помощью. В результате аффект накапливается и может привести к взрыву.

Конечно, отчуждение присуще не всем преступникам. Так, среди них особое место занимают расхитители, взяточники и другие должностные преступники. Эти лица по сравнению с другими преступниками являются более адаптированными, т.е. приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям; лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях, более сдержанны, могут хорошо контролировать свое поведение. Расхитителям не свойственны такие черты, как агрессивность и импульсивность поведения, которые отмечаются у насильственных преступников. Они более общительны, большинство из них не испытывают трудностей в установлении социальных контактов, у многих встречаются такие черты, как стремление к лидерству, потребность в социальном признании. Боль-

шинство из них женаты, имеют детей и к семье относятся заботливо.

Отчуждение и одиночество человека может проистекать из разных источников, в связи с чем можно выделить отдельные типы соответствующих фундаментальных личностных состояний. Одиночество как состояние и потребность в нем вырабатываются в результате неблагоприятного воспитания в семье, когда родители эмоционально выталкивают сына или дочь из семьи и они, по существу, растут одинокими, в изоляции от отца и матери, что со временем становится их привычной личностной позицией. Одиночество способно возникнуть в результате длительной болезни, когда ребенок или подросток не только не общается со сверстниками, но, будучи изолирован недугом, как бы вынужден погружаться в себя. Человек может очертить вокруг себя замкнутый круг, чтобы не делиться с другими тем, чем он обладает или думает, либо потому, что он самодостаточен, живет только по своим внутренним канонам и ему действительно никто не нужен, особенно если он эмоционально холоден и не способен идентифицироваться с другими людьми. Такими были «великие» преступники XX века Гитлер и Сталин, самодостаточные и действительно одинокие люди.

Сама природа в содружестве с обществом создала людей в амбивалентном единстве тяготения — отвергании друг друга, стремлении к одиночеству или обязательному объединению. Одни боятся быть отверженными больше смерти, в то время как другие могут существовать только в социально-психологической изоляции.

Э. Фромм писал, что человек по своему происхождению является стадным животным. Его действия детерминированы инстинктивным побуждением следовать за вожаком и находиться в тесном контакте с окружающими его животными. Поскольку мы похожи на овец, для нас нет большей угрозы, чем утратить этот контакт со стадом и оказаться в одиночестве. Хорошее и плохое, истинное и ложное — все это определяется стадом. Однако мы ведь не только овцы. Мы еще и люди, наделенные самосознанием и разумом, которые по своей природе независимы от стада.

Наши действия могут определяться результатами нашего мышления независимо от того, разделяют нашу истину другие или нет.

Различие между нашей стадной и человеческой природой лежит в основе двух видов ориентации: стадной и разумной. Рационализация — это компромисс между нашей стадной природой и человеческой способностью мыслить. Последняя вселяет в нас уверенность в том, что все, что мы делаем, удовлетворяет требованиям разума, и именно поэтому мы стремимся показать, что наши иррациональные мнения и решения являются вполне разумными. Но поскольку мы — овцы, не разум является нашим настоящим руководителем, мы руководствуемся совершенно иным принципом — принципом стадной сплоченности.

Двойственная природа мышления, дихотомия разума и рационализирующего интеллекта являются выражением основной дихотомии человека — сосуществующих потребностей в зависимости и свободе¹.

Мысль о том, что человек является стадным животным, совсем не нова. Но в той же мере она и не точна, и не учитывает всей сложности природы человека и его отношений с обществом. Действия одних людей (и очень многих, всех людей толпы!) действительно детерминированы потребностью следовать за вожаками и находиться в тесном контакте с окружающими. Однако за свою многотысячную историю человек привык не доверять другим, даже казалось бы близким и преданным, поскольку он убежден, что эти другие вполне могут покуситься на его жизнь, здоровье, достоинство, имущество, на его женщин и социальные статусы. Они способны сделать его несчастным и обездоленным, отсюда его эмотивность, подозрительность, недоверчивость, ранимость, агрессия как способ защиты. Поэтому в нем, как справедливо отмечал Э. Фромм, сосуществуют потребности в зависимости и свободе. Одиночество очень часто предоставляет свободу, которая, как всегда, может быть и иллюзорна.

Преступники особенно не доверяют другим, об этом свидетельствует возрастная динамика совершения преступлений в группе: подростки до 70 — 75% преступлений со-

вершают в соучастии, для лиц старше 30 лет этот показатель вдвое, даже втрое ниже. Еще меньше с возрастом правонарушители доверяют сотрудникам правоохранительных органов, поддаются их уговорам и обещаниям, а также другим преступникам, в том числе тем, с кем они отбывают наказания.

Итак, те, которые совершают преступления, — это более отчужденные личности. В силу отчуждения они не усвоили социальные нормы, регулирующие поведение людей, не выработали в себе солидарность с ними. Совершая преступления, некоторые из них тем самым защищают такой свой статус, другие — пытаются получить то, чего они лишены как раз в силу отчуждения, третьи — потому, что у них нет привязанностей и они не ощущают ответственности перед кем-либо. Чтобы преодолеть свое одиночество, человек вполне может согласиться участвовать в совершении преступных действий группы, поддаваться ее влиянию. Одиночество иногда начинает внушать страх, повышает тревожность, формирует стремление защитить себя от реальных или мнимых врагов путем агрессии. Этот последний фактор мы сейчас и рассмотрим.

Рассмотри второй фактор. Человек появился на земле во враждебной среде: среди животных, которые постоянно угрожали его жизни, в природных условиях, неблагоприятное развитие которых тоже грозило ему. Он еще боялся тех, с кем вместе жил, охотился, работал, и боязнь здесь была отнюдь небезосновательной. Страхи древнего человека были связаны и с духами природы и животных, духами предков и покойников, особенно убитых врагов. Он страшился нападения других племен, колдовства, небесных светил и, наконец, голодной смерти. Страх, как стена, плотно окружал его.

Первобытный страх перед чужаками носит архетипический характер и лежит в основе величайшего проклятия нашего времени — воинствующего национализма и шовинизма, породивших германский нацизм, этнорелигиозной нетерпимости, обусловившей совершенный терроризм. Страх перед чужими активно способствовал большевизму, он активно провоцирует многие преступления.

Тревога и тревожность — синонимы, отражающие более низкий уровень беспокойства по сравнению со страхом, выше которого в свою очередь ужас, представляющий собой паническое, неуправляемое состояние психики. Наша культура порождает в людях огромную тревожность, особенно в урбанизированных регионах. Глобализация в современном мире с ее универсализацией и стремлением подчинить всех одному ритму, одним стандартам и одному образу жизни, отнюдь не способствует снижению тревожности и страха. Люди очень боятся утратить привычные ценности, смыслы и символы, особенно духовные, и их защита очень часто предполагает использования преступного насилия. Глобализация повышает риск стать жертвой терроризма и организованной преступности.

Со временем многое, конечно, изменилось. Прежде всего, человек перестал бояться диких животных, затем постепенно духов и магии, на смену которым пришли боги (впрочем, духи повсеместно до сих пор прекрасно уживаются с богами). В современном секуляризованном мире, особенно западном, страх перед божествами и иными потусторонними персонажами, разумеется, совсем не такой, как в первобытных и других древних сообществах, он не ощущается обычно в качестве непосредственной и фатальной угрозы жизни. Вместе с тем страх остается перед природными катаклизмами, а в последнее столетие — и перед техногенными катастрофами. Люди по-прежнему боятся войны, причем соответствующие переживания стали еще более острыми из-за того, что ядерное оружие сделало практически одинаково уязвимыми фронт и тыл. Люди продолжают страшиться преступников, причем в некоторых странах, например, в России, их защита в этом отношении крайне неэффективна.

Но есть еще множество и других социальных факторов, приводящих личность в содрогание: боязнь не состояться в жизни, происки конкурентов, несправедливое отношение властей (обычно в лице чиновников), непризнание со стороны тех, кто особенно ценим, в том числе любимой женщиной (мужчиной) или референтных групп, страх обеднеть, потерять работу, социальный статус, стать жертвой несчаст-

ного случая и т.д. Как мы видим, не только древний, но и современный человек имеет слишком много поводов для страха. Социальная среда едва ли не самый важный источник его страхов в обыденное время.

Э. Фромм отмечал, что аспектом процесса индивидуализации (отделения от окружающего мира) является возрастающее одиночество. Первичные связи гарантируют фундаментальное единство с окружающим миром и ощущение безопасности. По мере того, как растет обособленность ребенка от окружающего мира, он начинает осознавать свое одиночество, свою обособленность от людей. Эта отдаленность от мира, который в сравнении с человеком представляется несоразмерно громадным и всемогущим, а порой и очень опасным, наводит на него страх, чувство тревоги и незащитности. Пока человек был неотъемлемой частью мира и не осознавал возможностей и последствий индивидуальных самостоятельных действий, он не испытывал никакого страха. А после того, как человек становится самостоятельным индивидуумом, он вынужден находиться один на один с ошеломляюще огромным миром².

Взрослея, овладевая различными навыками, знаниями и умениями, социальными ролями и реализуя предписанные ими функции, человек стремится преодолеть свою инфантильную робость, нерешительность, неуверенность перед этим миром и в большинстве случаев органически вписывается в него. Но так получается не всегда, многие жизненные ситуации оказываются неожиданными или унесут в себе угрозу, либо представляются угрожающими, на иные обстоятельства субъект не знает как реагировать, и уже поэтому они воспринимаются в качестве опасных. Ощущение среды, как опасной для индивида, несущей угрозу его бытию, чаще всего четко не осознается в первую очередь потому, что оно слишком травматично и поэтому «переводится» в сферу бессознательного. В то же время зависимость тревожной личности от неблагоприятной среды весьма велика, поскольку эта личность постоянно и жестко привязана к внешним условиям. В данном смысле она не свободна в целом и по отношению к конкретным жизненным ситуациям, так как еще недостаточно выделила сама себя из сре-

ды. Соответственно, низок у нее уровень осознания сущности и смысла действий, их субъективной значимости.

Однако чувство страха отнюдь не покрывает, как можно было бы подумать, флером печали и тоски всю повседневную жизнь первобытного человека. Напротив, жизнь среди постоянных опасностей не исключает у него ни бесконечности, ни хорошего настроения. Он знает, что в любое время на него может обрушиться непредвиденное несчастье. Но именно потому, что опасность угрожает со стольких различных направлений и в таких разнообразных формах, стоит ли о ней думать, если угроза еще не воплотилась в реальность и беда пока не свалилась на голову? Беспокойство у него есть, как, впрочем, и у современного человека, но это не должно мешать наслаждаться жизнью.

В немалом числе случаев дикарь увязал в запретах и предписаниях, как муха в патоке. Но это не означает, что они ему не были необходимы, поскольку весь мир внушал ему страх, в том числе его собственное «Я». Опасности не были призрачными оттого, что были воображаемыми, поскольку и воображаемые представляли для него виртуальную реальность. Табу и указания, видоизменяясь иногда весьма существенно, передавались из поколения в поколение, многие действуют и сейчас, и они бессмертны, составляя часть культуры.

Преступники почти не способны «подняться» над возникшей жизненной ситуацией, взглянуть на нее со стороны, избрать иной, кроме противоправного, в том числе разрушительного, способ ее разрешения. Психологически это происходит в первую очередь потому, что они без остатка растворяются в происходящем, намертво связаны с определенными внешними условиями, действиями других лиц, что исключает или, во всяком случае, серьезно затрудняет анализ и оценку этих условий и действий, а, следовательно, и принятие автономных решений. То, что значительное большинство преступников не способны к анализу и оценке, доказывают имеющиеся эмпирические данные о том, что они отличаются, по сравнению с законопослушными гражданами, повышенной эмоциональностью и застреваемостью эмоций и переживаний.

То, что личность страшится социальной среды, может привести к совершению как корыстных, так и насильственных преступлений, а также сексуальных — насильственных и ненасильственных.

Корыстные преступления могут совершаться ради того, чтобы, приобретя имущественные блага, упрочив свое материальное положение, укрепив свой социальный статус и добившись признания со стороны окружающих, в первую очередь самоутвердиться и защитить себя от враждебных проявлений социальной среды. Корыстные преступления часто совершаются под влиянием антиобщественного микроокружения, при том, что сам виновный не стремится обогатиться незаконным путем. Он в таких ситуациях подчиняется малой социальной группе, хочет завоевать ее признание и доверие или сохранить свой статус в ней, поскольку его утрата может восприниматься им как личная катастрофа. Конечно, корыстные преступления нередко совершаются в силу материальной нужды, иногда острой угрозы голода, но эти неблагоприятные условия, как правило, связаны с социальными конфликтами, войнами, безработицей, злоупотреблением государством и иными причинами общественного характера. Корыстные посягательства имеют место со стороны отчужденных личностей, бродяг и бездомных, обычно страдающих различными психическими аномалиями и прежде всего алкоголизмом. Но само их отчуждение носит социальный характер. Таковыми по происхождению могут быть и их болезни.

Корыстные установки реализуются и с помощью насилия. Проявляемая при этом жестокость может выступать в качестве мести окружающему миру за собственные неудачи, бедность, неустроенность, обделенность благами и т.д. Как установлено нашими эмпирическими изысканиями, агрессивные преступления, в том числе убийства, часто детерминируются ощущением угрозы со стороны других людей, причем на самом деле реальной опасности может совсем и не быть.

Почему личность испытывает неприязнь и вражду к лицам, достигшим каких-то успехов или положения в обществе?

Конечно, одних эти успехи и достижения совсем не взволнуют, других — лишь отчасти, а третьи — именно нас они и интересуют — чувствуют острую и непроходящую зависть, беспокойство и неуверенность в себе и своем существовании, поскольку не они владеют вожделенными ценностями. Вот если бы эти ценности были в их руках, тревожность и беспокойство значительно снизились бы или вообще исчезли, они перестали бы ощущать эту травмирующую угрозу своему бытию, неясный и глубоко лежащий страх за себя. Но такие надежды напрасны, поскольку повышенная тревожность, как фундаментальная черта их личности, вновь будет порождать зависть, ревность и страх. Да, страх, как желание удержать достигнутое и одному наслаждаться им, пользоваться вниманием, расположением и приятностью другого лица. Поэтому ревность и зависть можно понимать как вид страха при стремлении обладать какой-то ценностью и удержать ее. Ревность всегда питается боязнью потери этой ценности, причем для ее возникновения не имеет значения, вызвано это чувство действительными или ложными причинами.

Как мы видим, не сама ревность или зависть являются мотивом поведения, а то, что лежит в их глубине и их в определенной мере порождает, — стремление утвердить себя, подтвердить свое социальное бытие путем овладения новыми благами, которые есть у других. Этот мотив может порождать имущественные преступления, особенно кражи. В еще большей степени он характерен для преступных действий, в которых четко проявляется насилие, прежде всего для грабежей, разбоев и вымогательств. Можно полагать, что здесь насилие выступает в качестве инструмента мести тому, кто демонстрировал до этого несостоятельность, незначительность, несущественность виновного, поскольку не он, а «обладатель» имел ту самую ценность и распоряжался ею. Тем самым преступник утверждает себя, и в первую очередь в собственных глазах.

Такой мотив имеет гораздо большее распространение при совершении преступлений, чем нам представляется. Очевидно, что его достаточно часто можно обнаружить в уголовно наказуемых действиях молодых людей, завидую-

щих чужому достатку, общественному положению или признанию тех, кто имеет престижную одежду, автомобиль, мотоцикл или магнитофон либо пользуется расположением девушек и т.д. Именно этим во многом можно объяснить особую жестокость, цинизм и разрушительность действий преступников при совершении некоторых разбойных нападений, когда, например, потерпевший подвергается бессмысленному избиению, уничтожаются его вещи и т.д.

Еще одна личностная черта преступников — особое отношение к смерти. Человек во все времена боялся смерти — скрыто или явно, бессознательно или вполне рационально, пытаясь проникнуть в ее суть и по возможности отсрочить ее наступление. Чаще всего смерть связывается с богами, божьим промыслом, другими сверхъестественными персонажами, с потусторонним миром. Для собственного утешения человек изобрел понятие души, которая после смерти якобы продолжает его жизнь, что призвано уменьшить страх перед неизбежным финалом. Смерть ощущается в качестве могущественной, неотвратимой, непобедимой опасности, перед которой он абсолютно бессилён, поэтому его страх перед ней способен перерасти в панику и ужас. Страх перед ней тем более велик и всеобъемлющ, что она принципиально непознаваема, хотя о ней могут быть высказаны самые мудрые идеи и мысли. Но страх смерти по своей этической природе нейтрален, поскольку может подвигнуть и на великое творчество, и на черную низость.

Криминогенное значение ощущения и переживания своей смерти может заключаться в следующем:

— конкретные люди могут ощущать угрозу для жизни, поэтому агрессивные действия носят характер защиты от их возможных нападений. Иногда страх перед такими людьми имеет паранойяльный характер;

— убийства могут совершаться, чтобы снять или хотя бы уменьшить страх смерти, сделав ее близкой, понятной и логичной. Если она исходит из твоих рук, если ты простой смертный, способен причинить ее, значит, она не так страшна, тем более, что все религии на протяжении тысячелетий готовили к ней;

— смерть другого позволяет понять разницу между жизнью и смертью, разделяющую их грань, а, следовательно, лучше понять последнюю и уменьшить страх перед ней;

— человек, могущий причинить другому смерть, самоутверждается, подтверждает свое «Я», свое могущество. Если он причинитель смерти, значит, он в какой-то мере распоряжается, владеет ею, а это тоже способно уменьшить страх перед ней.

Из числа преступников в наиболее близкие отношения со смертью вступают некрофильские личности, которых влечет к себе смерть как некое великое таинство, как нечто, с помощью которого можно решить свои субъективные и общесоциальные проблемы. В их числе сексуальные и корыстные убийцы, террористы, лица, совершившие несколько убийств, преступные диктаторы и т.д. У некрофилов раздвоен жизненный опыт, они живут сразу в двух мирах: в этом и в небытии. У них нет удовлетворительной связи с обществом, а иногда при наличии психических расстройств — и с самим собой. Уход в небытие, особенно если он совершается с помощью убийства (хотя это и не единственный способ), показывает, что их личность находится в постоянном бегстве от обычной реальности, которую они оценивают в качестве неприемлемой. В результате многие из них ведут неполноценное существование, характеризующееся одиночеством и чувством изолированности. Отношение некрофильских личностей к смерти играет исключительную роль в их преступном поведении, в частности, надо особо выделить страх перед ней, который, как показывают конкретные исследования, начинает формироваться в детстве в результате эмоционального отвергания ребенка родителями, в первую очередь матерью, т.е. в период, когда он особенно нуждается в защите. Ее отсутствие рождает постоянно растущую тревожность и страхи, которые носят спонтанный, смутный, размытый характер боязни всего, и в особо неблагоприятных случаях достигают страха смерти. Вместе с тем я хотел бы особо подчеркнуть, что названный страх не является единственной причиной некрофильского убийства, а не какого-нибудь другого. В качестве такой причины выступает сама природа некрофильского преступника, в которой

страх смерти занимает заметное место. Ведущей чертой его природы является особая близость к смерти и постоянное влечение к ней. Я хотел бы высказать такое внешне противоречивое суждение: необычайная близость смерти и особое отношение к ней включает в себя и страх смерти, который переплетается и постоянно взаимодействует с влечением к ней. Влечение и страх составляют единое целое, которое должно стать предметом специально научного анализа.

Один из парадоксов влечения к смерти состоит в том, что конкретный человек может не только стремиться к ней, но и одновременно бояться ее. Можно сказать, что у таких людей складывается к ней двойственное, амбивалентное отношение типа «тяготения-отвергания». Я думаю, что это свойственно многим некрофилам, в том числе державным. Они боялись смерти, поэтому везде видели врагов, были мнительны, подозрительны, злопамятны и очень жестоки, в то время как истинные некрофилы стремились к ней, превращая все живое в мертвое. Уничтожая других, человек тем самым подавляет в себе страх смерти, поскольку делает ее понятной и близкой, а себя начинает ощущать могучим вершителем чужих жизней. Это неизбежно снижает свойственную подобным людям неуверенность в себе и высокую тревожность, отодвигая смерть, а точнее предошущение ее подалеже от себя, куда-то в неведомую даль.

Для некрофильских убийц отношение к смерти может выступать результатом глобального личностного изменения в самом себе, в ощущении, кем они являются. Но это не радостное прозрение, смерть превращается для них в пугающего врага, в роковую катастрофу.

Один из некрофильских убийц, которого я обследовал, сказал в беседе со мной, что рождение и есть смерть. От подобных лиц я не один раз слышал, что рождение опасно уже потому, что младенец покидает безопасную материнскую утробу и попадает в неведомый и враждебный мир. Однако дело не только в безопасности материнского лона, и желание вернуться туда больше похоже на реакцию вследствие неудачно прожитой жизни с ее страхами и угрозами. В субъективном представлении о сходстве рождения со смертью есть еще и глубокий и незаживающий след прохож-

дения рождающимся через все родовые пути, которые, как пишет С. Гроф, таят для него смертельные опасности. Травмы в момент рождения (переломы, наложение шипцов) либо кесарево сечение символически могут означать, что ребенку не дают возможности выйти в эту жизнь, что оставляет в его психике негативный бессознательный след.

Мотив смерти для некрофильских личностей постоянен, но особенно остро он дает о себе знать в периоды их критических состояний. Этот мотив очерчен ощущением самого себя, своего окружения, самой жизни и ее завершения. Такие ощущения весьма субъективны, они могут грубо исказить и самого человека и среду, но для него они таковы, каковыми он их видит, и вполне реальны.

Я полагаю, что знание, предчувствие, предощущение неизбежной кончины и страх перед ней стали одним из начал духовной жизни, попыток осмысления и поисков ее смысла, источником трудовой и творческой активности, первопричиной полнокровного наслаждения земными радостями и в то же время преступного поведения. Жизнь предстала перед человеком во всем своем богатстве и разнообразии и по причине сопоставления со смертью, причем даже при наличии веры в загробную жизнь. Эта вера, даже самая искренняя, имела один весьма существенный изъян — в темных глубинах психики все-таки оставались сомнения в возможности такой жизни. Страх был всеобъемлющ и в том смысле, что смерть настигла не только человека, но и все остальное живое.

Страх смерти — это отношение, наследуемое всеми. Никто и ничто не уберезет человека от этого страха. Он с ним родился и с ним умрет. Он всегда будет бежать от смерти, как животное от лесного пожара. У отдельного человека он возникает еще в утробе матери, хотя ее лоно — самое защищенное место на свете. Но и его защищенность относительна, поскольку мать может быть жертвой насилия или болезней.

Страх смерти положил начало религиозной жизни, ибо древний человек, что вполне для него естественно, предположил, что она наступает по воле высших сил. В эпоху господства магии человек полагал, что он способен руководить

миром и, зная его правила, в дневном не очень сложные, но открытые лишь особо посвященным, может изменять его. Однако глубокие раздумья, в первую очередь по поводу смерти, привели к тому, что он, страшаясь ее, пришел к выводу, что она посылается тем, кого он назвал Богом или богами. То, что они бессмертны, точно отражает общечеловеческий страх перед смертью, поскольку человек спроецировал на них свое неистребимое желание жить вечно. Вера в Бога всегда была связана с верой в загробную жизнь, которая в свою очередь покоится на страхе смерти. Таким образом, и с этой стороны духовность опирается на тот же страх. «И сотрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет: ибо прежнее прошло» (Откр., 21-4). Если бы такое сбылось, человечество перестало бы быть человечеством, но скольких людей утешили эти замечательные слова и сколько страданий они сняли, вселив великую надежду.

Примечания

¹Фромм Э. Иметь или быть? М, 1990. С. 263.

²Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 2004. С. 47.